

Я стою на дне.

В том самом месте со старой прабабушкиной фотографии. Геолокация совпадает в диапазоне 50 сантиметров. С объектами меньше – до миллиметра.

Приложение показывает абсолютно идентичный узор меридианов и параллелей, что сохранила в ее альбомах «мертвая» соцсеть «ВКонтакте». Как и многие древние старики, моя прабабушка ей когда-то пользовалась, даже была одной из первых тысяч зарегистрированных, если не привирает. А она может, я даже не верил, что она из этих мест до того, как каким-то невероятным образом наткнулся на ее старый аккаунт в теневых сетях.

Я все еще замираю точкой на пересечении двух воображаемых географических линий. Вообще-то их не должно быть в приложении, не тот масштаб, но разработчики настояли, и вышло хорошо. Наглядно.

Мои ноги вязнут в песке. Щиколотки штурмует поднятый низким вихрастым ветром песок. Он остро впивается в мои голые ноги – почти пыль, но заточенная до комариных укусов. Хотя я и комаров давно не видел, так – воспоминания из детства. Даже не уверен, что моего.

Когда я вошел по взломанному паролю – череда ничего незначащих для меня имен и цифр чужого прошлого – заметил, что в бабушкином аккаунте стоят настоящие имя и фамилия, у большинства ее контактов – тоже. Для моего поколения привычнее буквенно-цифровые или буквенно-эмотивные неймы, но это упрощало поиск. Вся таинственная легендарность этого места легко возрождалась по страницам попавших в экологические учебники людей и старым способам навигации – хэштегам.

Я смотрю на фотографию, листаю, загружаю в приложение следующую и двигаюсь дальше. К новому нитяному натяжению. Бурые стволы заводских труб следуют за мной и обрываются, зачерпывая глоткой пыльную землю и ростки серых растений. Если верить другому приложению, то, иди я дальше, не сворачивая несколько километров, и покажется самая глубокая, до конца неизученная расщелина озера. Но я не пойду. Мой квадроцикл справится с этим лучше.

У прабабушки было много фотографий, где она молодая и еще очень красивая улыбается на фоне какой-то синей бесконечности и прорастающих к солнцу гор. Небо за ее спиной не падало, как это бывает сейчас, смешивая облака и туманы, а стояло высоко, баюкая нежно-тягуче солнце. Хотя падение облаков относительно недавнее явление.

Я приближаюсь к следующей точке, порывы ветра приподнимают мою одежду, обсыпают новой порцией мертвой пыли. Я снова на месте. На этом фото бабушка сидит на бортике прогулочного катера вместе со своей ореольно-кудрявой подругой. Брызги воды подпрыгивают под их ногами, а дальше, за белым металлом катера, виднеются лежащие на дне стволы деревьев. Сейчас нет ни намека на них, лишь труха хрустит под подошвой. Пытаюсь прикинуть, сколько могло быть надо мной метров воды, окажись я рядом с этими стволами в то время, и не могу. Говорят, что дно озера просматривалось даже на глубине в 40 метров. Чудеса. Сейчас такого не бывает. Сейчас и доступной природной воды не бывает: всё огорожено, всё поступает партиями из-за бесконечных, теряющихся в вихрах облаков стен.

На следующем фото бабушка стоит спиной к ворсистым лесным

горам. Солнце бьет ей прямо в глаза, ветер путает высоко над головой волосы. Она смеется, зажмурившись – абсолютно счастливая. Под фото написано: #LakeБайкал#едемнабайкал#этонашелето#girlstrip#аэроволосы.

Я смотрю на нынешние высокие подъемы к долгим выжженным долинам. В отличие от неровного, покрытого морщинами разломов дна, на местах лесов все еще видны следы ушедшей жизни: желтая непримечательная растительность, непроходимые, похожие на проволочные шары кустарники, гниющие пни, редкий пропущенный зачисткой мусор...

Следующее фото бабушки соотносится с координатами впадины. Я завожу квадроцикл и еду. Приложение с картами пищит и вибрирует. Спокойный женский голос озвучивает мне правила пребывания в зоне мертвого озера, читает технику безопасности. Я добираюсь быстро. Пыль и песок забиваются в складки моей одежды, защитная маска мокнет от выступившего на лице пота.

Никто из моих друзей, даже моя девушка, не поняли, почему в каникулы я решил ехать именно сюда. Не то чтобы я был скрытным. Я рассказал им все о бабушкином аккаунте и тысячах историй, которые сохранились на соцстраницах давно умерших людей; о том, как по-гоголевски теневые программисты называли их «мертвыми душами» и распродала; о функционировании старых неодобряемых сетей, которые называют «призраками»... Им просто не было интересно. Они, как и я, родились уже после большинства экологических катастроф. После того синхронного уничтожения мира нашими предками, благодаря которым мы теперь пьем нормированные литры воды, моемся по времени и больше не видим морей.

Вода, конечно, не исчезла совсем, но к ней имеют доступ только государства-победители Третьей мировой. И государства совершенно не значит их граждане – всё огорожено и превращено в огромные насосы и очистительные заводы.

Я вижу ее сразу и подъезжаю. Большая черная дыра посреди пустыни – единственное место, из которого не ушла вода, но ее нельзя пить, в ней нельзя освежиться – она отравлена. Вокруг стоят хлипкие ограждения из плохого синтезированного дерева, под ногами лежат такие же дорожки для редких посетителей. Я подхожу, игнорируя ограждения, и наклоняюсь к краю, а там – на меня смотрит бездна. Мертвая и безучастная. Глядя на нее, не испугаешься подводных монстров: в ней нет жизни, но может показаться, что чем больше заглядываешь через край, тем больше проваливаешься куда-то внутрь грудной клетки.

Я чуть было не падаю, но хватаюсь за ограждение – не такое уж оно и хлипкое. Разверзшееся жерло впадины тянет меня обратно, но я с

усилием отвожу глаза и делаю несколько шагов назад. Неподалеку лежит выгоревшая груда камней. Приближаюсь и различаю на них надписи: «Ольхон 2021», «Байкал 2018», «Здесь был 5Г», «Свадьба на Байкале 2022», «Бакал 2029», «Волонтеры группы 3031 – 2034 год». У подножья каменной горы лежат цветы из экопластика, заплесневевшие мягкие игрушки. Чуть выше прикручена металлическая табличка «Прости, Байкал».

Я не то чтобы сентиментален, но приложение говорит мне, что фото бабушки сделано практически над этим курганом, и я чувствую свою причастность. К прошлому и будущему, ко всему. Я оглядываю бескрайнюю пустыню: вижу вдалеке отлогие подъемы к тому, что было берегом, щетину далеких гор, не унимающийся много лет ветер, рубцы неровных разломов, покрывающих дно «мертвого озера». Вижу цифровую табличку, предупреждающую о ядовитых водах впадины, смертельно опасных землетрясениях этой зоны, их примерных расписаниях. Мне не хочется, но я заставляю себя смотреть, и жгучий стыд за себя и других накрывает меня сильнее любого ветра. Возможно, поэтому друзья выбрали полностью технологизированную Европу? Смотреть на это, значит, смотреть на свой стыд и горевать о том, чего не видел. Бояться того, что давно свершилось. Больно и иррационально. Не так уж и плохо мы живем сейчас, но... я постоянно чувствую в воздухе что-то давно упущенное, непоправимое. И ищу места разломов, хоть и понимаю, что эти поиски только и похожи что на попытку склеить скотчем разбитую тарелку.

Внезапно для себя я открываю прабабушкину стену и делаю фото с курганом и впадиной. Не уверен, что нынешние форматы фото прикрепятся, но мне везет, или проблему уже кто-то решил до меня. На мне очки и маска, что немного снижает рискованность затеи. Никакого текста. Только хэштеги: #простиБайкал#курган#мертвоеморемертво. Отправляю на стену и чувствую, как стучит по ребрам сердце. Я выложил на запрещенном сайте-призраке новый пост, хотя мне строго-настроено наказали не менять содержимое купленной страницы.

От невыстраданного и непонятого горя мне хочется плакать. Я стою на развалинах чего-то великого, что, наверное, могло стать мне домом, и ничего не могу сделать. Все сделали за меня, задолго до меня. Не спросив меня. Я задыхаюсь от подступающих слез и гнева, и тут в мертвой соцсети под первым постом в этом веке появляется первый комментарий: #простиБайкал.

И я плачу.